

Винтовка или штуцер? Чабер или чабрец?

Немного о переводе старинной военной книги

О.Н. Исаева

Когда я взяла на перевод книгу У. Расселла “The British Expedition to the Crimea”, написанную в середине XIX в. на основе его корреспонденций для газеты «Таймс» (Расселл считается первым в мире военным корреспондентом), сразу же встал вопрос о необходимости исторической стилизации языка перевода. Есть ли смысл систематически архаизировать более тысячи страниц текста, если текст — о войне и заинтересует прежде всего историков и любителей истории? Но ведь эту книгу не назовешь узкоспециальной и даже просто специальной. Это работа даровитого писателя, освоившего военную науку. Ему все удастся передать чрезвычайно живо: характеры, сцены военной жизни, портреты солдат, интендантов и мародеров, любые описания — от обгоревших раненых в севастопольском госпитале до британских офицеров, развлекающихся охотой на крымских собак (собаки, впрочем, быстро перебежали к русским). По сути, переводить предстояло не просто набор военных сводок, а документ о жизни и нравах британцев середины XIX в., отражающий, в частности, и тогдашнее состояние англий-

ского языка. Стоит ли его осовременивать, да и как это сделать? Ведь тут приходится смотреть глубже классического принципа дипломника, выбравшего старинный текст: «Во-первых — архаизмы, во-вторых — инверсия». Старинный текст — не только лексика и грамматика. Это другая образность, другие интонации, другое представление о красоте текста, об уместности того или иного приема, другой набор классиков в читательском багаже автора. Осовременить самую очевидную часть этого комплекса — значит ввязаться в историю с Тришкиным кафтаном и множеством современных «заплат» на остальных частях, по существу модернизации не подлежащих.

Далее, следует учесть, что значительная часть военных терминов XIX в. не может быть осовременена без потерь, более того, попытка подобрать современный эквивалент может привести к искажению смысла, как это будет показано ниже.

К тому же неизбежно пострадает языковой образ автора, который особенно, и подчеркнуто, любил классические построения, инверсии, восклицания, латинские корни, старинные уже для его века слова

Анализ практики

и не мог пройти мимо оливкового дерева, чтобы не притянуть к нему Палладу с ее совой. Любил потому, что учился на медные деньги и считался (до поры) дворнягой, полуграмотным ирландским писакой. Попервоначально он стеснялся писать просто и отходил от классики лишь невольно — там, где был глубоко тронут. В результате язык произведения меняется не только от проходных отрывков к программным. Автор движется от скованного начала, прикрытого от критики «пышными купами» и «бурливыми струями», к уверенной середине и окончанию, где он уже вполне свободен и местами вневременен, даже и в проходных красотах (общей яркости слога остался верен). Думается, что, осовременив текст, переводчик нивелировал бы это развитие, повредив и автору, и читателю.

Было, нужно сказать, и другое соображение: вряд ли вскоре появится второй перевод этого произведения. Хотелось попробовать дать людям, зачитавшим книги И.А. Гончарова, В. Яна, Б.Я. Брюсова, Д.С. Мережковского, еще одну книгу с «таким» языком.

Впрочем, читатель этой книги — история отдельная. Здесь тот редкий случай, когда переводчику не узкоспециальной литературы не нужно гадать о читателе и его особенностях. Читателя знаешь практически лично: встречаешь его на тематических форумах, пишешь ему письма с вопросами в крымский клуб исторической реконструкции, изучаешь его статьи в исторических журналах. Исторический редактор-крымовед — первый читатель перевода. И вот, стараясь не слишком обольщаться предстоящим лингвистическим приключением, переводчик задается вопросом, как совместить интересы богатого и живого языка оригинала с интересами читателей, у которых для крымской темы тоже сложился собственный язык. Кто из историков для читателя авторитетен настолько, что без его терминологии

и номенклатуры он не мыслит разговора о Крымской войне, будь даже другие варианты правильной и уместней? Какие слова и выражения он отобрал в книгах «крымских» историков и писателей XIX — начала XX в. — Н.Ф. Дубровина, Е.В. Тарле, Л.Н. Толстого, С.Н. Сергеева-Ценского — для «общественного пользования» на форумах и в клубах? Впрочем, довольно скоро возник и другой вопрос: когда стоит остановиться в попытках соответствовать сложившейся традиции?

Постараюсь обо всем рассказать по порядку. Думается, следует начать с общей исторической стилизации текста, а затем рассказать об архаизации применительно к военным терминам и старинной номенклатуре.

Чтобы остаться в языковой сфере как русских писателей, заставших Крымскую войну, так авторитетнейших авторов, писавших о ней, я решила ориентироваться на период середины XIX — начала XX в., в спорных случаях сдвигаясь ближе к середине XIX в. Теперь решение предстояло как-то выполнить. Прежде всего, были отложены в сторону все современные и иностранные книги. На столе выросла стопка историков и русских классиков. Тут нужно заметить, что, собственно, русского литературного языка середины XIX — начала XX в. — не существует. Достаточно вспомнить, что И.С. Тургенев был старше Н.С. Лескова, а Е.И. Замятин и С.Н. Сергеев-Ценский — почти ровесники. Стилизуя, можно было лишь в общем ориентироваться на язык двух-трех писателей, не забывая о читателе, которому, при всей его любви к яркому словцу, нужна знакомая лексическая база, которую он, по опыту чтения, соотнес бы именно с крымским периодом нашей истории, а не с каким-либо иным из интересующих его. «Примерив» к оригиналу разные идиостили, я решила, не забывая об остальных, все же держать осторожный общий

курс на А.И. Куприна и – в сфере военного языка – на С.Н. Сергеева-Ценского и Н.Ф. Дубровина¹. Безусловно, они пишут по-разному, но и язык перевода должен был явить собой не слепок с единственного классика, а (по возможности) гармоничный комплекс отсылок к языку тех, кто формировал у читателя представление о том времени, той войне и той армии.

О начитывании много не расскажешь, хоть оно и было для меня основным стилистическим подспорьем. Скажу лишь, что оно было в чем-то полезнее изучения теоретических работ, так как, помимо припасенного и выписанного в тетрадь, из книг незаметно пробираются полезнейшие мелочи: не столько значимые слова, сколько необычное глагольное управление, мелкие отличия в сочетаемости простых наречий и прочее, до полного перечисления которого не всегда дойдут руки у самого дотошного исследователя. По моему опыту, устойчивый эффект старины без «заплат» во многом дают именно они.

Впрочем, после первых 50 страниц старинное и редкое всплывает в памяти само (столько лет копила – и тут случай, как не вспомнить!), да и классики перечитываются совсем по-другому, зорко, когда есть задача что-то «привить» себе на время работы с текстом. Нужно было только в поисках упомянутой гармонии все время прощупывать границы своего нового языка, проверять вновь «открытые» слова и конструкции соседством уже укоренившихся в тексте элементов. Переводя последние сотни страниц, перечитывать первые, чтобы искоренить прокрававшиеся в них современные слова или, наоборот, избавиться от архаизмов, чья редкость оказывается не оправдана стилем основной части тек-

¹ Авторская тяга к классической пышности слога передавалась по возможности полно, и это было даже проще многого другого, так как «классические» отрывки четко выделялись в тексте и были написаны строго по правилам, знакомым нам по произведениям русского классицизма.

ста (я редактировала текст каждый день: перевод последних двух-трех дней плюс выборочно что-то из старого). И все же конечное представление об облике текста возникает к последней трети – и тут было произведено порядочно сквозных замен.

Когда удачную находку нельзя применить без ущерба для текста? Как показала работа, дело даже не столько в степени архаичности, сколько в смысловой нагрузке отрывка.

Славное слово «завируха», но везде ли оно будет на месте? Одно дело, если читатель встретит его в главе о том, как автор заблудился в пургу. Тут три секунды, потраченные на догадку по контексту, пойдут даже впрок – сцена не «проскочит», отпечатается в памяти. А если речь идет о буре, побившей британский флот, легкомысленно оставленный в узкой бухте, и автор, как прямо, так и намеками, пытается разобраться, кто виноват? Пожалуй, тут моя находка отвлечет читателя от дела, затруднит понимание авторской интенции.

У. Симпсон. Шторм в Балаклавской бухте
14 ноября 1854 г.

Или вот лет семь назад я случайно узнала, что мой старый дачный сундук с кольцами по бокам предназначался для перевозки грузов на лошади, то есть «в тороках». «Торочный» интересней и реже «вьючного», и я, конечно, его приберегла. Но в сочетание «торочные носилки» не поставила. «Вьючные носилки» – и так не самая известная вещь, не хотелось

Анализ практики

усложнять ради красоты. Зато «тороки» пристроила к делу не раз.

Вообще, расхолаживающее, но полезное действие оказывают старые толковые словари. Совершенно правильно вместо «энергичный» написать «деятельный» или, для вящего колорита, «энергический». Но неплохо знать, что в середине XIX в. слово «энергичный» уже использовалось, как и многие другие.

В остальных случаях — чувство меры. «Маштак», «маштачок» — хорошее слово, хорошее слово и «мухортый», но вместе они явно нехороши для репутации переводчика. И рассудив, что «маштак» необходим для описания низкорослых казачьих лошадок, а «мухортый» — слово региональное, и притом не южное, а сибирское, переводчик от мухортого отказывается.

О «региональных» в разных смыслах словах стоит поговорить особо. Есть языковые особенности крымчан, есть — до некоторой степени — язык, которым у нас описывали Крым или, широко говоря, юг. Пример на первый случай: поняв, что автор использует одно слово для маленьких и больших оврагов, я, опираясь на карты, стала вводить где «овраг», а где «балку». Рассказала об этом знакомым крымчанам, они удивились: «мы не делаем разницы между этими словами». Осталась при своем решении, но задумалась об остальных. Вот на карте: «холм Мекензи», а в живой речи: «Мекензиев хутор». «Склон» или «скат»? «Холм» или «бугор» — на особом языке крымчан — это вот возвышение к северу от р. Черной, которое автор называет hill? Кстати, он все называет hill, так что проверять пришлось много по самым разным источникам.

О языке «крымской», или южной, литературы: А.П. Чехов в «южных» вещах вместо «дрофа» пишет «дрохва», а вместо «шакал» — «чекалка». Брать или нет? Я рада в описание турецкого кафе вставить медную «турку», а А.Н. Толстой в такой же —

почти дословно — сцене обходится «кофейником». Не в простоте ли правда? А вот ботаника крымская у А.Н. Толстого не без особенностей. Что же из трех синонимов — в русской традиции — цветет в Крыму: «чабрец», «чабер» или «тимьян»? Проще всего обратиться к НКРЯ, но по мере работы возникает азарт: найти самой. Интересно вспомнить несколько степных описаний у разных авторов и отыскать их в книгах. Конечно, все вопросы так не решишь — не хватит времени, но иногда устроить себе в награду такое путешествие вполне можно. Путешествие — хорошее слово, чтобы закончить разговор об общей исторической стилизации этой книги. Это действительно было великолепное путешествие продолжительностью в два года.

Теперь перейдем к стилизации, связанной с военной терминологией и номенклатурой. Переводить о давнем событии — значит многое получить в наследство и решать, что с этим наследством делать. Мне досталась путаная, со многими вариантами, разноязычная номенклатура, относящаяся к разным векам. Изначально хотелось всю ее систематизировать, чтобы хоть в каком-то источнике (а это книга для крымоведов весьма важная) было единообразие. По мере работы оказалось, что одним махом этого не сделать.

Проще всего оказалось с именами английских военачальников, обретшими русское звучание в позапрошлом веке. Тогдашние нормы транскрипции, наложившись на довольно смутное представление большинства об английской фонетике (не так уж задолго до того Пушкин учил английский без фонетики вовсе), дают сегодня сочетание устарелого и неверного. Броуны, Каткарты и Леси-Эвансы Е.В. Тарле звучат соблазнительно старинно и порой возникают даже в современном общении, но мне показалось полезным привести все к единой, более современной, транскрипции. В старой транскрипции остался лишь Lord

Raglan, потому что он у всех авторов лорд Раглан, за исключением историков моды.

Пришлось повозиться с топонимами, включая названия фортов и батарей. Поскольку многие имели по три имени — русское, английское и французское, сперва логичным казалось систематически держаться английских: автор англичанин, большинство русских названий ему неизвестно, а за английскими именами часто стоят именно те события, о которых повествуется в книге. Но тут оказалось не так просто. Например, холм, на котором в 1855 г. возник русский форт «Камчатка», французы прозвали Мамелоном, а англичане — сперва Мамелоном, а позже — холмом Гордона. Автор употребляет оба названия, а еще упоминает некий расположенный там же *Mamelon Vert*. Про него даже английские специалисты не знают, что это: второе название Мамелона или же имя соседнего холма (их там группа). К слову, в русских источниках можно встретить мнение, что французы и англичане звали Мамелоном не один холм, а именно всю группу сразу.

Или вот для того, что С.Н. Сергеев-Ценский называет Мачтовым бастионом, а другие — кто Четвертым бастионом, кто батареей Костомарова, у англичан своего названия вовсе не было, говорили по-французски: дю Ма (русские переиначили в дю Мат). Французское название

сегодня у нас фактически не встречается, зато три русских варианта живы и продолжают соперничать.

Не следует забывать и о том, что англичане иногда по-другому оценивали русские укрепления, и там, где у нас было одно, они могли по каким-то своим соображениям вычленять два, и наоборот. Например, из пары соседних батарей, *Sadovaya* и *Roadside*, в русских источниках можно найти лишь первую, причем во множественном числе: Садовые батареи. А автор отдельно пишет о действиях *Roadside battery*...

Когда большинство укреплений было найдено на русских и британских картах и были составлены списки с вариантами, обозначились три группы. Во-первых, русские укрепления, чьи названия читатель знает в основном по-русски. Во-вторых, английские, чьи названия на обоих языках читателю известны плохо (далеко не все холмы и ложбины, выбранные для размещения британских войск, вообще имели официальные русские названия и тем более сохранили их по сегодня). И, в-третьих, укрепления всех армий, за которыми во всех языках в достаточной степени закрепилось единое название: Мамелон, Редан, Малахов курган, Садовые батареи, Камьеш и т.д. — в основном это «знаковые» имена, без которых читатель не представляет себе крымской истории. Для первой группы использовались русские названия (отдельное

У. Симпсон. В лагере Второй дивизии британской армии, 1855 г.

Британская военная карта Севастополя и прилегающей местности, XIX в.

Анализ практики

занятие — выяснять, какой из нескольких русских вариантов сегодня принят большинством). Для второй — английские в русском переводе, чтобы сохранить говорящие имена, вроде «Печей» — круглых пещер в горном склоне, дорого доставшихся союзникам. Третья (малочисленная) осталась без изменений.

В смысле унаследованных имен много единства концепции удалось добиться только с названиями британских кораблей. Как в научных трудах, так и в любительской сфере эти названия передаются на русский без единой системы путем перевода, транскрипции (часто неверной) и сохранения английских слов. Так, названия «(Черный) принц», «Колоссус» и “Viper” могут оказаться рядом в пределах одного текста и даже одного абзаца. Одно название можно встретить в разных вариантах передачи — до трех-четырех. В книгах постарше попадаетея и транслитерация. При этом, конечно, упоминается лишь часть судов, задействованных в кампании: русских гораздо больше интересует война на полуострове. У Расселла они перечислены практически все. Встал вопрос, что хуже: то, что в новой книге еще раз закрепится эта путаница, или то, что читатель, привыкший к «Голден Флис» и “Firebrand”, должен будет заглянуть в приложенную таблицу, где против «Золотого руна» и «Задиры» стоят их английские названия. Можно, конечно, было остановиться на грамотной транслитерации, но, повозившись с корабельной темой, я поняла, что настоящие любители чаще переводят названия интересующих их кораблей, особенно легендарных. Легендарные корабли в моем списке были, и их-то имена на русский уже были переведены — именно переведены, а не транслитерированы (тот же «(Черный) принц»). Бывает, одно название по несколько веков передается от корабля к кораблю. Такие мне встретились, но многие британские корабли строились с видами на Крымскую

войну и во время нее — перевод их названий мог о многом сказать. Да и не может не быть интересна такому читателю английская традиция именования кораблей! Были и мелкие соображения: странно смотрелись бы транслитерированные названия типа: «Саймум» («Самум»), «Кристоф Колом» («Христофор Колумб»), «Джейсон» («Ясон»). Попадалась игра слов. Например, автор говорит, что видел своими глазами, как «Леандр» плыл Босфором. «Лиэндер», даже со сноской, выглядел бы тут довольно нескладно. Взвесив все, я решила переводить на русский все непереуведенные имена и давать в конце таблицу с английскими названиями. Историк-консультант согласился с моим решением, тем более что систематизировались разом названия всех королевских судов и многих частных, которые ранее у нас не упоминались.

Перевод старинных военных терминов может быть осложнен тем, что новые термины проникают в язык неравномерно и могут соседствовать во времени с более старыми вариантами; тем, что на тот момент соответствующий термин в принимающем языке может отсутствовать; тем, что перевод, перенесенный в новый словарь из старого, может содержать неустранимую ошибку (у меня было три или четыре таких случая с морскими терминами); и, наконец, тем, что при неодинаковом развитии вооруженных сил разных стран термин может оказаться зонтичным и потребовать в каждом случае дополнительной расшифровки.

Приведу несколько примеров. Когда Расселл говорит о *rifles* в руках британцев и русских, он имеет в виду довольно разные вещи. Британская армия действительно имела на вооружении порядочное количество передовых винтовок Минье, и тут он имел право на обобщение. Русские же в основном воевали гладкоствольными мушкетами, которые официально назывались «ружье». Само слово «винтовка» было офи-

циально принято в армии только в 1856 г. Пока же наши немногочисленные и часто устаревшие нарезные ружья назывались «штуцерами» (слово пришло во времена Петра I, а до того была «винтовальная пищаль»). Они давались лишь лучшим стрелкам — их могли звать «штуцерными», а могли «егерями», если подразделение было егерское, то есть первоклассное стрелковое. Заказчик с историческим консультантом решительно хотели «штуцеров». Сказано — сделано, но надо же как-то отличить новую винтовку британца от нашего старинного штуцера? В итоге британцы получили «винтовки Минье» и «штуцера» для более старых моделей, а русские — «ружья» во всех случаях, когда не было уверенности, что подразделение воюет штуцерами.

Возникли вопросы с переводом слова *sniper*. «Снайпер» в русском языке еще не употреблялся, а «целевые стрелки», хоть и были тогда в языке отмечены, у «крымских» авторов почти не встречались. Когда стало ясно, кто именно у русских становился снайперами, «снайпер» превратился в «застрельщика». Застрельщики — стрелки передовых цепей, лучшие и с лучшим оружием, — в первую очередь направлялись на такие задания. Откуда они вели огонь — опять вопрос: автор любую стрелковую точку называет *pit*, а наши различают их по размерам и устройству: поменьше и попроще — «ямка», побольше и поукрепленной — «завал». Приходилось искать в книгах эти бесчисленные точки и смотреть, что именно там было (если, конечно, у русского автора доходили руки до упоминания точки, просуществовавшей неделю).

Впрочем, пожалуй, сложнее всего дались вторые и третьи варианты совершенно правильных и легко находимых военных терминов XIX в. Их, конечно, может не быть в переводе, но они мелькают у Н.Ф. Дубровина, у Л.Н. Толстого, у А.И. Куприна. Без них даже хорошо состаренный текст приобретает ту самую тугоподвижность языка, в которой несправедливо подозревают военных историков. Не «вести огонь по...», а «действовать по...», «подавать на...», не «открыть перекрестный огонь», а «взять к.-л. в два огня». «Беспокоить» вместо «вести беспокоящий огонь». «Парк полка», «полковые суммы», «осадной поезд», «обслуживать орудие», «отпускать паек» — все эти мелочи добывались начитыванием, выписывались и ждали своего часа. К счастью, в отличие от редких и устаревших общелитературных слов, они ничему не могли повредить: читатель их где-то в глубине памяти уже знал. Они же помогали выдерживать стиль всего текста, служа дополнительными ориентирами для состаривания общелитературных средств.

В заключение хотелось бы сказать, что в данной статье сделана попытка коснуться нескольких тем, связанных с исторической стилизацией при переводе. За рамками статьи осталось немало интересных вопросов и примеров, однако, я надеюсь, что некоторое впечатление о задачах, встающих перед переводчиком старинной книги, создать удалось.